

Рассказ врача М.

К о мне этот рассказ дошел под строгим секретом. Слышал я его от моего учителя, а тот от самого М. Он был крупным терапевтом. Замечательным врачом, это я могу засвидетельствовать. И абсолютно, я бы сказал, достоверным человеком. Так что первоисточник доброкачественный, М. умер три месяца назад, и я хочу его рассказ сохранить, пока он свеж в памяти.

Ночью на третье марта за М. приехали. В дверях полковник. В форме МВД. Сказал: собирайтесь быстрее, поедете со мной. Домашние высыпали в переднюю в ужасе. Это был 1953 год, когда раскручивалось новое дело врачей. Были арестованы друзья, знакомые. Взял был Вовси, Егоров, Виноградов, лучшие кремлевские специалисты. М. оставался один из немногих на свободе. Вот и за ним пришли. Что брать с собой? Ничего не надо брать, прощай полковник. Торопил раздраженно. Ни зубной щетки не надо, ни бритвы, ничего, разве что ваш, как его стетоскоп. Выматюгался от нетерпения и какой-то непонятной злобы. М. попрощался с женой, с детьми.

Сели в машину. Большая, черная. Полковник впереди, с шофером. М. сзади, один. Гванули, помчались, не считаясь со светофорами, на страшной скорости. Куда? Лубянка мимо, Кремль мимо. Впереди молчат. Между собой ни слова. Водитель даже не обернулся, когда М. сажился. По шоссе, сиреной пугая встречные машины, куда-то свернули, еще свернули, лес. Шлагбаумы. Ворота. Проектор. Шофер засиг-

налил. Ворота открылись. Опять шлагбаум. Полковник вышел, попросил выйти М. Запугали по длинной аллее к дому. Из тьмы возникали фигуры, козыряли полковнику, исчезали. Дом освещен. Холл. Полковник передал М. генералу. Поднялись с генералом наверх. Все молча. Их встретил Берия. М. не поверил, что перед ним Берия. Так страшно было, слыхал стеклянные крылышки пенсне, лысину, тонкие губы. Берия сказал М.:

- Профессор, мы вас позвали как специалиста, товарищ Сталин заболел. Мы понимаем, что сейчас для медиков обстановка трудная. Но мы вам доверяем, просим, чтобы вы действовали без страха, как считаете нужным.

Он говорил возбужденно, глаза его сквозь стекла блеснули, казалось, внутри у него что-то бурлит, кипит.

Сталин лежал на диване, глаза закрыты, в одной рубашке, прикрытый пледом, хрипел, без сознания. Было несколько врачей, полужановых, у изголовья сидела дочь Светлана.

М. обратил внимание, что левая рука у Сталина была парализована, и, видимо, давно. Сухая желтоватая, она лежала неподвижно. Правой он дергал ворот сырой от пота рубашки.

М. попросил анамнез. Оказалось, никакого анамнеза у Сталина нет. Даже самой старой истории болезни не имеется. Никаких медицинских документов не нашли. Никто не знал, были ли они вообще. Когда-то его пользовал один грузинский врач.

После смерти этого врача неизвестно, кто лечил, кто наблюдал за его здоровьем. Неизвестно, когда у него случился первый удар, как лечили. Кажется, Виноградов, но Виноградов в тюрьме. Сведения о том, что и как произошло с товарищем Сталиным, изложил очень скупо начальник охраны. Товарищ Сталин не подавал признаков жизни, не открывал дверь. Пришлось взломать. Лежал на полу. Без сознания. Перенесли на диван.

Тщательно осмотрев больного, М. собрал консилиум присутствующих врачей. Никто не хотел ставить диагноз. Отмалчивались, мычали неразборчиво, ждали, что скажет М. В соседней комнате находились члены Политбюро. Время от времени заглядывали к врачам - Ворошилов, Маленков, Хрущев, Каганович, Булганин. В конце концов М. вынужден был произнести свое заключение - инсульт. Его испуганно поддержали: согласен, согласен, согласен... Наметили некоторые меры. В это время приехала неизвестно кем вызванная бригада снимать кардиограмму. Возглавляла бригаду круглая толстоногая женщина-врач с хриплым голосом. Опытный глаз М. сразу же определил почти полную безнадежность больного,дохнула ли при этом на него тайная радость, неизвестно, вполне возможно, что и нет, потому что М. был врач, насковозь врач, и лежавший перед ним был уже не Сталин.

Сняв кардиограмму, врача тут же объявила, что у больного не инсульт, а явный инфаркт. М. пробовал объяснить ей, что при инсульте на кардиограмме иногда получается картина, напоминающая инфаркт. Врачиха странно посмотрела на него, не ответив, направилась в соседнюю комнату. Оттуда вскоре явился Берия. Сказал, что вот кардиограмма показывает инфаркт, а М. лечит от инсульта, как это понимать? Подошел Булганин, еще кто-то. Обстановка становилась опасной. Врачиха настаивала, повысив голос, потрясала кардиограммой. М. обратился к коллегам. Они, опустив глаза, молчали, один пробормотал - «с кардиограммой нельзя не считаться».

Берия испытующе переводил взгляд то на врачаху, то на М., облизывал губы. Он должен был принять решение. Тогда М., успев в этот последний миг, заявил, что он настаивает на своем диагнозе, он будет лечить только инсульт, ничего другого. Инфаркт требует другого подхода, на что он, М., категорически не согласен. Подействовала ли его решительность на Берию, были тут какие иные соображения, М. запомнил, как дьявольски сверкнули устремленные на него глаза. Берия шелкнул пальцами и предупредил М., что он головой отвечает за правильность лечения. Зачем, почему М. принял на себя ответственность? Он ведь понимал, что если удастся Сталина вытащить из коллапса, участь арес-

тующих врачей будет ужасна. Ему следовало сказать, что кардиограмма не меняет дело, но на всякий случай надо сделать то-то и то-то. Но у него и мысли такой не появилось. Он признавался, что шел на любой риск, чтобы спасти Сталина, которого он считал убийцей и палачом. И все, что он делал дальше, должно было вытащить больного из коллапса. Перед ним был только больной, ничего больше. Слава Богу, что природа воспротивилась ему. Сыграли свою роль и эта врачиха, из-за которой потеряны были драгоценные часы, и отсутствие анамнеза. Буквально все препятствовало, мешало приступить к лечению, вплоть до того, что пришлось почти полчаса шагать по длинной аллее к дому, проходить через пусты...

М. дежурил, не отходя от больного, больше суток. Вечером пятого марта Сталин умер, не приходя в сознание. Врачи констатировали смерть. В комнату вошли члены Политбюро, сын Сталина, дочь, еще какие-то люди, долго стояли в молчании, глядя на покойного, словно проверяя врачей. Потом ушли в соседнюю комнату. Было составлено официальное сообщение. Никто не уезжал. Все ждали. Сидели молча у радио. Под утро по радио передали сообщение о смерти вождя. Прослушав, все заторопились к машинам, уехали в Москву. Как будто передача по радио сделала событие уже окончательным, непоправимым.

Дача опустела. Сталин лежал на той же кушетке, всеми покинутый. М. заявил, что надо будет произвести вскрытие, он настаивал на этом, чтобы подтвердить правильность диагноза. Куда-то звонили, долго выясняли, можно ли везти, на чем, кому. М. договаривался с патологоанатомами медицинского института. Никто не хотел ничего решать. Правительству было не до трупа. Наконец М. добился разрешения. В санитарную машину положили покойника, завернутого в простыню, рядом с ним сел М. Другой врач поехал в легковой машине. М. остался наедине с вождем. Охранник сел в кабину к шоферу. Ехали долго. У этой машины не было ни sireны, ни мигалки. Машина тряслась, тормозила. Простыня сползла, окоченелое тельце открылось в старческой наготы. Сухая рука Сталина спала, голова подпрыгивала. М. наклонился подложить под нее подушку и увидел перед собой сквозь плохо прикрытое веко желтый глаз. Глаз смотрел на него. Перекошенное лицо кривилось. Известное по

ежедневным портретам до последней своей черточки лицо, вблизи оказалось изрытым оспой, открылась плешь, усы растрепались, повисли, это был не генералиссимус, не вождь, жалкая сморщенная оболочка, малорослый старичок.

М. привык к трупам. Для него труп был вместилищем недавних страданий, анатомическим пособием, вещью. Но здесь было нечто иное. От этого трупа было не по себе. М. попробовал придержать холодную чутунно-тяжелую голову, но тут же отдернул руки, как будто кто-то мог увидеть его недозволенный жест. Он никак не мог свыкнуться, что перед ним труп, он был один на один со Сталиным. Не было ни скорби, ни радости, только жуть.

У Салового колыба застряли перед светфором. Долго не пускали. Показались милиейские машины, за ними следовала черная кавалькада начальственных машин. Они неслись, блистая никелем, протертыми стеклами с задернутыми занавесками, бронированные, огромные, все светфоры встречали их зеленым светом.

В прозекторской уже ждали патологоанатомы, терапевты, президент Академии медицинских наук. Труп внесла охрана, несла неумело, ногами вперед. Со стуком опустили на мраморный стол. Двое офицеров, полковник и майор, остались у стола, словно бы в почетном карауле. Двое встали в дверях.

Включили лампы. Сталин лежал под беспощадным светом. Плечи толстые, на щеках шетина. Обратили внимание на его ноги, правая чуть подсохшая, была шестипалой. Темные ногти на ногах выпуклые, как когти.

Началось вскрытие. Когда большим ножом делали разрез, полковник судорожно всхлипнул, отвернулся. Пилой сделали распил. Осмотр сердца подтвердил, что инфаркта не было. Теперь надо было установить инсульт. Электропилой снимали черепную коробку. Обычно при вскрытии курили, переговаривались, пили кофе. Коньячок. Ныне же царил молчание. Визг пилы о кости казался непереносимо долгим. Вынули мозги, положили на поднос, отнесли на соседний стол. На бледносерой мутной поверхности расплылось бурое пятно кровоизлияния. Диагноз М. полностью подтвердился. Сделали срезы. Переглядывались, без слов показывали друг другу белесые склерозированные сосуды, очаги размягчения. Некоторые были давнего происхождения. Возможно, двадцатилетней давности. Со времен Великой

Репрессии. А может, еще с того времени, когда организован был голод на Украине.

Перед этими профессорами прошли тысячи подобных срезов, но тут руки их дрожали. Мозг этот так или иначе определял жизнь каждого из них, судьбы их родных, знакомых, их страхи, их миропонимание. Наметанный глаз различал очаги размягчения, те, что незаметно искажали личность в сторону жестокости, все большего изуверства, мании преследования. В этих извилинах вызревали ходы партийной борьбы, системы пыток, бесчисленные списки врагов народа.

Они рассматривали не препарат, а нечто чудовищное, предмет, откуда выходила ложь и ненависть, первоисточник зла. Мозг гения всех народов и времен, обо-жественное вместилище мудрости Учителя и великого стратега.

Перед ними должно было открыться нечто исключительное, на самом же деле, судя по состоянию сосудов, у него давно уже была потеряна ориентация - кто друг, кто враг, что хорошо, что дурно. Нарушенное питание мозга делало реакцию неадекватной, поведение могло быть непредсказуемым. Все было обманом. Над огромной страной, всеми ее народами последние годы властвовал неполноценный, больной человек.

Они, врачи, все же настигли его, раскрыли его тайну, и в ужасе и стыде замерли перед ней. Рассказать, обмолвиться никому было нельзя. Даже между собой они боялись обменяться мнениями. По сталинским правилам их всех теперь следовало уничтожить.

Офицеры стояли в головах обезображенного трупа, с ненавистью смотрели на «убийцу в белых халатах», как называли тогда врачей газеты.

Черепную коробку надо было поставить на место. Насчет мозга никаких указаний не поступало. Мозг был вещественным доказательством правильности диагноза, мозг был страшной уликой, его следовало упрятать от всех врагов социализма, шпионов, проницательных журналистов. Нельзя, чтобы люди узнали, кому они поклонялись, кого боготворили.

Надо отдать должное М., замечательный русский врач, он единственный нашел в себе мужество рассказать об этом и даже оставил письменное свидетельство. Но в тот час и он был скован страхом. Если бы они могли, они подменили бы этот мозг, чтобы избавить страну от позора.

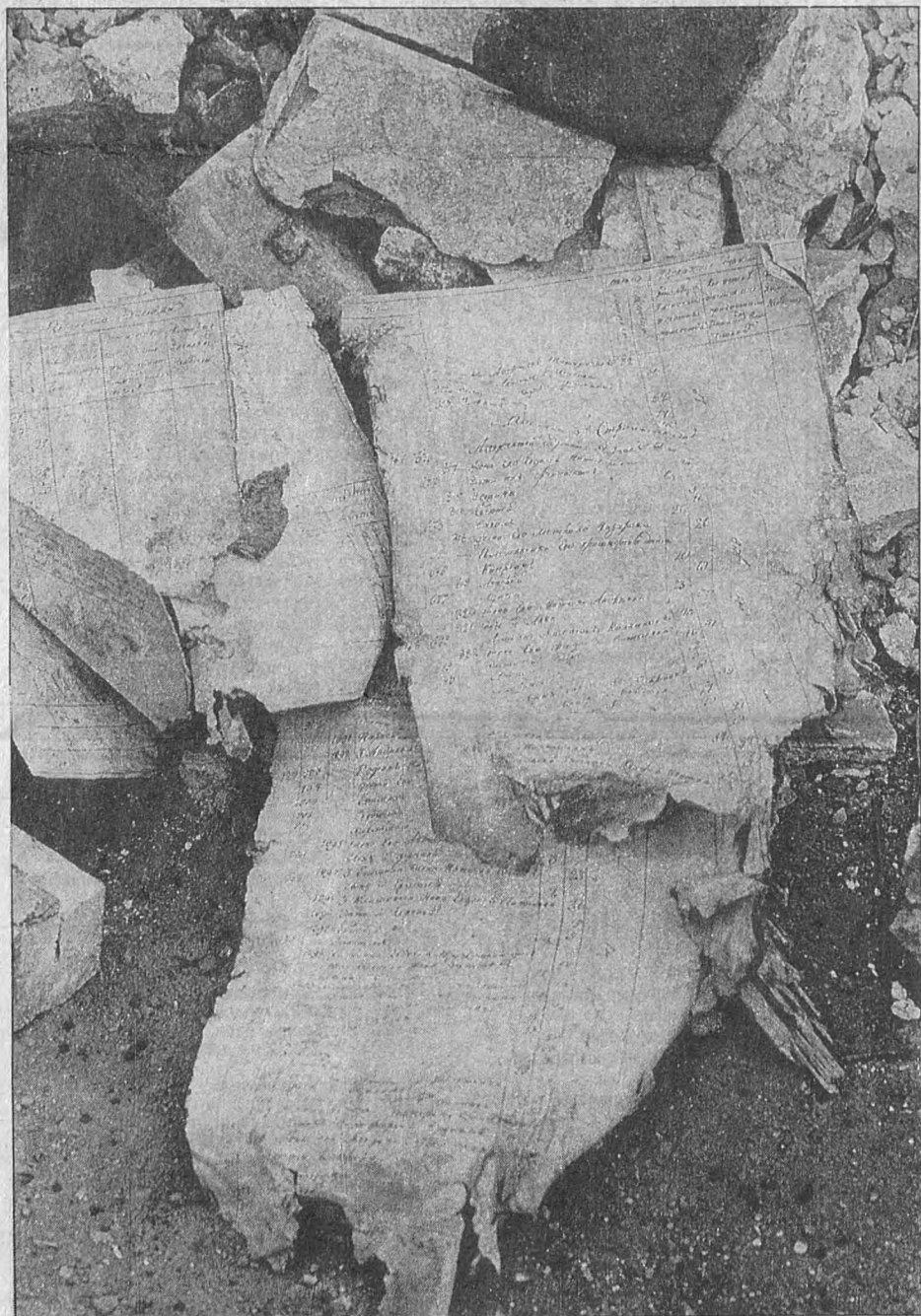

Фото Сергея ДУБРОВИНА